

елена ЛОГУНОВА

СМ

Елена и Ирка

Елена Логунова
Стрела гламура

«ЭКСМО»

2007

Логунова Е. И.

Стрела гламура / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2007 — (Елена и Ирка)

Тележурналистка Елена и ее боевая подруга Ирка изнывали от зимней скуки. Так что приглашение Иркиного родственника Андрея Курихина на свадьбу его дочери Катерины пришлось весьма кстати. Тем более праздник намечался в комфортабельном коттедже на горнолыжном курорте. Но почему молодая жена такая хмурая и злая? Не иначе пошла под венец из-под палки, ведь ее суженый – компаньон отца... Подозрения Елены и Ирки по секрету подтвердила подружка невесты – Катя собиралась замуж совсем за другого!..

© Логунова Е. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Логунова

Стрела гламура

1

– Зая, ты бесценный зверь! – восторженно заявил Василий Ложкин и от полноты чувств клюнул теплую кроличью башку вытянутыми в трубочку губами.

– Да не лезь ты к нему с поцелуями, только что сало ел! И руки жирные вымой! – прикрикнула на мужа Алиса.

Ложкин поспешно отпрянул от безразличного к ласкам и ругани Заи, поднял руки, как хирург перед операцией, и убежал в ванную.

Когда он с чисто вымытым лицом и стерильными руками, благоухающий мылом и зубной пастой, вернулся в комнату, Алиса придирчиво рассматривала кроличью шубку.

– Ну, как он? – спросил Ложкин, присаживаясь на диван рядом с супругой.

– Нормально, – сквозь зубы процедила она, продолжая прочесывать бело-розовый мех тонкими пальцами. – Остевой волос немного отрос, но подшерстка не прибавилось. Линяет!

– Краска линяет?! – испугался Ложкин.

– Он сам линяет! – объяснила Алиса. – Скоро весна, зимняя шуба меняется на летнюю, облегченную. Зая станет менее пушистым.

– Подурнеет, стало быть? – Ложкин расстроился и в сердцах хлопнул себя по коленке. – Эх! Детям нравятся круглые пушистые зайчики, а не тощие кролики для жарки!

– Пустяки, – отмахнулась Алиса. – Мы его клетку на балкон выставим, там холодно, на морозе шуба погуще станет. Видно, последние хозяева Заю баловали, все время в тепле держали.

– Ой, да они в него просто влюбились! – переменчивый Ложкин раздумал огорчаться и восторженно всплеснул руками. – Чесали, купали, кормили отборными овощами! Когти Зае маникюрюли! Специальный домик для него построили!

– Пятьсот баксов отступного нам отвалили, не торгуясь! – поддакнула Алиса.

– Зая, ты просто сокровище! – искренне повторил Ложкин, почесав кролика между ушами. – И ты, Алисочка, тоже!

– Недурной бизнес мы с тобой организовали, да, Васюля? – супруга улыбнулась и ласково потрепала одной рукой кроличью башку, а второй – мужнюю голову.

Семейный бизнес Ложкиных придумала Алиса, когда ее по жалобе вздорной, но богатой клиентки уволили из дорогого парикмахерского салона. Работать за три копейки в дешевой цирюльне Алисе не хотелось, а за место в приличном салоне надо было драться. Драться тоже не хотелось. Хотелось получать хорошие деньги, не прилагая к тому особых усилий.

Этим простым и понятным желанием Алису заразил супруг. Василий Ложкин к своим двадцати семи годам перепробовал множество занятий, но ни на одном из них не смог остановиться. В свое время он торговал вразнос эксклюзивной литературой, потом немного побыл челноком, а затем опрометчиво подставил свои плечи под финансовую пирамиду, которая рухнула, несмотря на посильную поддержку, оказанную ей Ложкиным и еще миллионом доверчивых граждан. Василий переквалифицировался в страховые агенты и некоторое время донимал знакомых предложениями оформить на выгодных условиях полис-другой. Затем его увлекла идея распространения косметической продукции по каталогу, и он с полгода бережно оккупывал и окучивал новое парфюмерное дерево, пока не понял, что оно плодоносит на чужом участке. Ложкин начал разводить на продажу аквариумных рыбок. Рыбки сдохли. Он попробовал торговать подержанными сотовыми телефонами, но был за этим делом задержан мили-

цией и едва отвертелся от обвинений в воровстве. С телефонами пришлось завязать, потому что откровенно криминальный бизнес Василию претил. Другое дело – легкое, изящное мошенничество!

Алиса Ложкина, умевшая мастерски обращаться с инструментами для стрижки и красками для волос, посидев без работы один месяц и потолстев от безделья и скуки на два килограмма, выдала на-гора свежую идею. Для ее реализации нужен был совершенно ничтожный стартовый капитал: меньше ста долларов. На эти деньги были куплены: один белый кролик, одна машинка для стрижки и один тюбик стойкой краски для волос оттенка «розовый жемчуг».

В порыве вдохновения Алиса виртуозно подстригла мех на спине кролика легкими волнами, наподобие стиральной доски, а потом еще покрасила их розовым.

– Гламурненько! – довольно сказала она, оглядев результаты своего труда.

Гламурный кролик был дивно хорош, и предприимчивые супруги не сомневались, что его удастся продать за кругленькую сумму. Алиса уже составляла, сверяясь со своим старым блокнотом, список телефонов богатых клиенток, чтобы выставить Заю на аукцион, когда выяснилось, что у кролика есть одна прелюбопытная особенность. Зая обожал фиалки. За букетик этих скромных лесных цветов кролик готов был продать свою звериную душу.

Впервые увидев, как кроткий, ко всему безразличный Зая тигром прыгает на вазочку с цветами, Ложкины не поверили своим глазам, но затем провели серию экспериментов. Опыты показали, что в погоне за фиалками кролик прыгает в высоту до двух с половиной метров, в длину до четырех, вплавь преодолевает водные преграды и не считает препятствиями закрытые окна и остекленные двери. Ложкины поняли, что в лице, точнее, в морде Заи приобрели настоящее сокровище. Первоначальная схема, предполагавшая банальную продажу одного крашеного кролика и покупку на вырученные деньги двух натуральных, затем окраску и продажу двух кролей, покупку четырех – и так далее, была изменена.

Заю не продавали, а подкидывали, как младенца, на порог богатого дома, где жила семья с детьми. Наличие детей было обязательным условием. На начальном этапе операции дети ломали слабое сопротивление родителей, убеждая их усыновить нового четвероногого друга. Потом они закармливали кролика тепличной зеленью и отборными овощами, перекладывая в Заину миску лакомые вегетарианские кусочки из своих тарелок. И они же, детки, рыдали взахлеб, не желая расставаться с ушастым любимцем, когда за приبلудным Засей приходил его законный хозяин – Василий Ложкин. Дети горько плакали и в отчаянной надежде смотрели на родителей большими влажными глазами, мамы жалостливо вздыхали, а благородные папы доставали кошельки и предлагали Василию отступное.

Ложкин был благороден и великодушен – в разумных пределах, конечно. Он проникался детским горем, принимал деньги – якобы на приобретение нового редкого кролика для себя самого – и оставлял новым хозяевам так полюбившегося им Заю. А некоторое время спустя под покровом ночи Василий приходил к тому же дому с платочком, мокрым от пропитавшей его парфюмерной эссенции «Аромат фиалки, идентичный натуральному». Фиалкозависимый кролик неизменно приходил на цветочное благоухание, возвращался в квартиру Ложкиных, и все начиналось сначала.

– Я его немного подкрашу и придам форму шубе, – сказала Алиса. – К субботе Зая будет готов.

– Правильно, к субботе, – кивнул Василий.

По опыту он знал, что выходной день – самое лучшее время для начала очередной операции «Подметный кролик». В субботу Зая познакомится со своими новыми хозяевами, но сначала сам Василий проведет строгий отбор среди потенциальных кролиководельцев.

Зае нужна хорошая, дружная семья с детьми или одним ребенком, но обязательно любимым. Ребенок должен быть добродушным баловнем с крепким характером, маленьким домашним тираном, умеющим настоять на своем.

Ложкин прекрасно знал, где искать такого малыша.

2

– Хочу вот это! – маленький розовый пальчик уперся в блестящую цветную коробку.

– Это? – Я наклонилась, рассматривая ценник, прилепленный к полке большого стеллажа, плотно, в четыре этажа, заставленного дорогими игрушками.

На ценнике аккуратным школярским почерком с наклоном вправо было выведено: «Крокодил, идущий на свет».

– Не понял! – озадаченно пробормотал Колян и оглянулся в поисках продавца-консультанта.

Девушка в униформе с логотипом магазина игрушек «Мир детства» скучала вблизи циклопического сооружения из коробок с куклами и с виду напоминающего скифский курган. Братско-сестринскую могилу Кенов и Барби аккуратной оградкой опоясывали коробки с кукольной мебелью, посудой, одеждой, оружием и прочими предметами, необходимыми, согласно языческим верованиям, для ведения активной загробной жизни. С противоположной стороны к кургану по-пластунски подобралась незамеченной маленькая девочка в оранжевой шубке. Сосредоточенно пыхтя, она потянула на себя большую плоскую коробку из основания кучи.

– Детка, тебе это не нужно! – пытаюсь препятствовать обрушению пирамиды, устало увещевала энергичную девочку ее гораздо менее энергичная мама. – У тебя уже есть такая игрушка!

– Детка, тебе это не нужно! – на лету уловив подсказку, повторила я, обращаясь к собственному сынишке.

– У меня еще нет такой игрушки! – резонно возразил Масяня.

– Девушка, можно вас на минуточку? – Колян призывно помахал ручкой охраннице кукольной гробницы. – Расскажите нам, пожалуйста, что это такое?

Он тоже постучал пальцем по лакированной картонной коробке и замолчал, заинтересованно ожидая ответа.

– Это крокодил, идущий на свет, – предупредительно ответила продавщица.

– На тот или на этот?

– Э-э-э-э...

– Этот? – подсказала я.

– Или, может быть, на свет в конце туннеля? – азартно предположил Колян.

– Или даже на свет истины? – спросила я.

Озадаченная продавщица сняла коробку с полки и повертела ее в руках, разглядывая красивую цветную картинку. На ней был изображен нежно-зеленый, как молодой салатный лист, крокодилчик с доверчивыми голубыми глазами. Крокодильи очи были вытарашены и напряженно скошены к переносице. Вероятно, рептилия тщетно пыталась сфокусировать взгляд на тонком красном луче, упирающемся в ее курносое рыло. Картинка не давала ответа на вопрос, откуда взялся рубиновый луч, но не возникало никаких сомнений, что крокодил данным явлением очень удивлен и заинтересован. Мы с Коляном в полной мере разделяли его чувства.

– Любопытно, где прячется источник света? – пробормотал мой муж, заглядываясь на коробку поверх плеча продавщицы.

– Горе, горе! Крокодил наше солнце проглотил! – выдал свою версию Масяня.

– Нет там никакого солнца! – возразила продавщица. – Это игрушка с фотоэлементами.

В комплект, кроме крокодила, входит еще лазерный пистолет.

– Ага! Так, значит, он действительно идет на тот свет! – кровожадно обрадовался Колян.

– Крокодил, идущий на свет и умирающий просветленным! – с чувством пробормотала я. Аллигатора-мученика уже было жалко.

– В него нужно попасть три раза, – объяснила бессердечная продавщица. – Тогда он споет свою песню и умрет.

– Последняя крокодилья песня! – я едва не пустила слезу.

– Наверное, эта игрушка индийского производства? – деловито спросил Колян.

– Почему – индийского? – опешила продавщица.

– Потому что в Индии есть крокодилы, и только в индийском кино герои перед смертью поют песни, – объяснил мой эрудированный супруг.

– Неправда! – не согласилась я. – В нашем кино героям тоже случается умирать с песней на устах! Вспомни крейсер «Варяг»!

– Врагу не сдае-отся наш гордый «Варяг»! – отчаянно картавя, затянул Масыня.

– А что именно поет умирающий крокодил? – оборвав прочувствованную песню про «гойдый «Ваяг», мой любознательный супруг снова обратился к продавщице.

– Песенку Крокодила Гены из популярного мультфильма, – ответила она. – Со словами: «А я играю на гармошке у прохожих на виду...»

– К сожаленью, день рожденья только раз в году! – с готовностью сменил репертуар Масыня.

– По ситуации этому крокодилу больше подошла бы песенка про день смерти, наступающий для него, к сожаленью, неоднократно, – заметила я.

– Так вы будете брать игрушку или как? – потеряв терпение, спросила девушка.

Я посмотрела на сынишку.

– Жил да был крокодил, он по городу ходил! – с энтузиазмом возвестил Масыня. – Крокодил, Крокодил Крокодилович!

С этими словами ребенок бесцеремонно вырвал коробку из рук продавщицы. Стало ясно, что Крокодил Крокодилович прямо сейчас пойдет по городу в нашей дружной компании.

– Берем в семью, – резюмировал Колян.

Мы проследовали к кассе – Масыня нежно прижимал к груди приговоренного к многократному расстрелу Крокодила Крокодиловича – и расплатились.

– Спасибо за покупку, приходите еще! – вежливо сказала нам девушка на кассе.

Ба-бах! Позади нас в торговом зале шумно обрушилась гора кукольных коробок, подточенная маленькой девочкой в оранжевой шубке. Девочка заревела басом, ее мама взвизгнула дискантом, слышались звуки шлепков, продавщицы разноголосно заахали.

– Обязательно придем! – оглянувшись, пообещал Колян. – У вас тут так интересно!

Вообще-то мы на скуку тоже не жалуемся. Семейство у нас небольшое, но дружное, развлечения мы находим на пустом месте, а уж если есть серьезный повод повеселиться – тут только держись! Да не просто держись, а хватайся – то за голову, то за сердце, то за ремень, то за кошелек. Выходные дни, которые ребенок и его родители проводят вместе, это время больших растрат денежных средств и нервной энергии. Иногда, правда, одно можно сэкономить за счет другого, именно поэтому мы с Коляном завели традицию по субботам покупать нашему малышу новые игрушки, книжки и фильмы. Пока ребенок вплотную занимается своим новым приобретением, мама с папой могут хоть немного отдохнуть.

В плотный контакт с Крокодилом Крокодиловичем Масыня вступил уже в доме моей лучшей подруги Ирки, куда мы отправились прямо из «Мира детства».

Человека, который неотступно следовал за нами по пятам от прилавка игрушечного магазина до стоянки такси, мы не заметили. Тем более мы не обратили никакого внимания на машину, увязавшуюся за нашим наемным экипажем.

Было морозное и солнечное февральское утро, обледенелые обочины дороги и заснеженные поля по обе ее стороны искрились, как бескрайний солончак, прорезанный караванной тропой. В синем небе редкой сетью растянулись перистые облака. Воздух был свежим, настроение прекрасным, и ничто не предвещало беды.

А когда ее что-нибудь предвещало?

3

– Неправильное название дали магазину игрушек, – сердито язвила Ирка, прислушиваясь к звукам ожесточенной пальбы, доносящимся из коридора.

Оружие для охоты на крокодила не только испускало из себя лучик, но и исторгало пугающие звуки.

– Надо было не просто «Мир детства» назвать, а шире – «Война и мир детства»! – сказала подруга.

– А-а-а-а! – страшно заорал крокодил, в очередной раз пораженный лазерным лучом.

И он тут же без всякой паузы запел с большим чувством и ярко выраженным китайским акцентом:

– Пустя бегуть неуклюзя писиходы па лужам!

– Слово «писиходы» звучит как-то подозрительно! – покачав головой, заметила я. – Угадывается в нем что-то такое...

– Точно! Хотя зримо представить себе «писиходное» движение я лично затрудняюсь! – поддакнул Колян.

– Ма-а-амочка! – заревел Масяня. – Мамулечка! Посмотри, крокодильчик описался!

– Смотри-ка, не затруднился! – заметила я и выглянула в коридор.

Нежно-зеленый Крокодил Крокодилович затейливо петлял по полу, оставляя на линолеуме влажный след.

– Так вот, значит, каков он – писиход, бегущий по лужам! – пробормотала я.

И посмотрела в дальний конец коридора, где в тупике помещалась ванная комната. На полу у порога поблескивала россыпь микроскопических лужиц.

– Там кто-то что-то разбрызгал, – сообщила я Ирке.

Хозяйка дома тоже выглянула в коридор, поморгала, приглядываясь, и с нескрываемой досадой сказала:

– Опять Катька мокрыми руками на ходу трясла! Что за привычка такая дурацкая, руки помыть и полотенцем не вытереть! Ну никакого воспитания у девицы!

– Колюшка, уйдите с мокрого, поиграйте с крокодильчиком в комнате! – крикнула я Масяне. – Там ковер зеленый, совсем как травка, крокодилу очень понравится!

Мася с приговоренным крокодилом под звуки стрельбы переместились в гостиную, а мы с Иркой вернулись в кухню.

– А кто занимается Катиным воспитанием? – спросила я, продолжая тему, открытую подругой.

– А никто! – сердито буркнула она. – Матери у нее нет, отец все время делами занят, а нянек у девятнадцатилетней детки нету! Если меня не считать, конечно.

– Тебя считать нельзя, ты с ней видишься раз в год, по большим праздникам, – возразила я.

– Потому что они очень замкнутые люди, эти Курихины! – обиженно заявила Ирка. – К нам в гости ходят редко, а к себе и вовсе не зовут. Родственники, называется!

– Ти-хо! – шепнул Колян, прислушиваясь.

Мимо открытой двери кухни по коридору босиком проследовала простоволосая Катерина в сером холщовом балахоне средневекового пилигрима.

– Странная она девица, что ни говори! По-моему, барышня слегка того! – шепнула Ирка, кивнув на дверной проем.

Катя шла, крепко зажмурив глаза и вытянув перед собой руки. Голые пятки звучно шлепали по влажному линолеуму. Катерина здорово походила на сомнамбулу, прогулочным шагом

отправившуюся в последний путь к краю крыши и далее транзитом на тот свет. При этом она не выглядела сколько-нибудь просветленной.

Я проводила босоногую странницу внимательным взглядом и согласилась с подругой:

– Да, девушка довольно необычная.

– Да будет вам, девочки! По-вашему, если человек сразу же честно и прямо сказал, что очень любит холодец, так он сразу ненормальный? – по-своему вступился за Катерину Колян.

Мой муж тоже очень любит холодец, о чем не стесняется говорить сразу, честно и прямо. Высказавшись в защиту Катерины, он с большим интересом заглянул через плечо Ирки в полуведерную эмалированную кастрюлю, озадаченно поморгал, вздрогнул и слегка попятился. Не знаю, что он там ожидал увидеть. В кипящей воде весело кувыркались разнообразные неаппетитные фрагменты парнокопытных и пернатых: свиные уши, куриные лапы и говяжьи хвосты. Ирка по просьбе больших любителей холодца готовила свино-курино-говяжий студень по своему фирменному рецепту.

– Да при чем тут холодец? – уже громче огрызнулась подруга, ложкой с дырками размеренно выуживая из кастрюли и сердито стряхивая в раковину клочья необыкновенно густой пены, похожие на обрывки разодранного на куски поролонового матраса. – Вы только посмотрите на нее! Я ничего не говорю о Каткиной манере одеваться в стиле смиренной странницы по святым местам и пренебрегать домашней обувью, это дело вкуса и привычки. Но она же ходит по дому с закрытыми глазами, как Слепой Пью!

– У старого пирата Слепого Пью на глазах была черная повязка! – зачем-то вспомнил Колян. – И деревянная нога! А у Катерины глаза и ноги в порядке.

– В отличие от головы! – снова съязвила Ирка. – Нехорошо так говорить о родне, но Катерина совершенно точно чокнутая! Представьте, вчера вечером она сняла со своего окна уличный термометр и полчаса держала его в руке, пытаясь усилием воли поднять столбик до сорока градусов. Спрашивается, зачем?

– Можно подумать, в этом доме нет больше ничего сорокаградусного! – согласился Колян, прозрачно намекая на содержимое знаменитого вино-водочного погреба Максимовых.

– А сегодня утром она в той же позиции минут десять торчала в окне с зеркальцем: хотела отраженным лучом запалить лучину! – доложила подруга.

– Как Архимед? – заинтересовался Колян.

– Архимед тоже зажигал лучину? – удивилась Ирка.

Я представила себе древнегреческого математика в тоге и с жужжащей прялочкой и хихикнула:

– Нет, лучину он не палил. По легенде, Архимед поджигал отраженным и сфокусированным с помощью зеркала солнечным лучом вражеские корабли. Это была передовая древнегреческая военная техника.

– В наше время она примерно так же актуальна, как лучина! – фыркнула подруга. – Кроме того, я не допускаю мысли, чтобы к нашему дому подбирались вражеские корабли.

– Разве что снегоходы? – подал мысль Колян.

Мысль была дурацкая, потому что снег в поле лежал таким же тонким слоем, как масло на больничном бутерброде, и продолжения тема необычных транспортных средств не получила.

– Какие-то идиотские эксперименты, вам не кажется? – продолжая злобствовать, спросила Ирка. – Наверное, Катерина сама это понимает, потому и ходит по дому с закрытыми глазами, стесняется нормальным людям в глаза смотреть!

– Нет, с закрытыми глазами Катя ходит по другой причине. Она тренирует кожное зрение, – усмехнувшись, объяснила я. – Я видела у нее в комнате пособие по развитию сверхъестественных сил, самоучитель «Практические приемы экстрасенсорики». Похоже, племянница Моржика искренне верит в телепатию, телекинез, ясновидение и воспламенение взглядом.

– Ей придется очень сильно постараться, чтобы хоть кого-нибудь воспламенить! – злобно пробурчала Ирка. – Вот это действительно сверхъестественная задача – пленить мужчину таким постным лицом, блеклой паклей на голове и фигурой, похожей на примороженную яблоньку, обглоданную зайцами! Впрочем, под бесформенной рясой фигуры вообще не видно.

– Ирусик, не рычи! – миролюбиво попросила я.

Это было совсем не похоже на Ирку – так зло высказываться в адрес безобидного, в общем-то, существа. Обычно моя подруга чрезвычайно добросердечна, дружелюбна и гостеприимна, но появление в доме Катерины застало ее врасплох и нарушило планы, а вот этого она не любит. Да и кому понравится не по доброй воле исполнять роль строгого стража при избалованной девятнадцатилетней дурочке, которую строгий папа отправил в ссылку к бедным родственникам в наказание за систематически проявляемое непослушание? Моя подруга в мамки-няньки не нанималась, ей Катерина даже не родня, она двоюродная племянница Моржика, Иркиного мужа. А Моржик как раз уехал в очередную деловую командировку.

Моя подруга своего мужа нежно любит и очень по нему скучает, но дурное настроение Ирки объяснялось не только этим. Густое варево в кастрюле ненормально пенилось, и Ирку сей факт очень сильно нервировал. Приготовить фирменный холодец ее попросила именно Катерина, и, несмотря ни на что, Ирка твердо намеревалась блеснуть перед юной родственницей мужа своими недюжинными кулинарными талантами.

– И вовсе не такая она страшенькая, эта Катя! – снова вступился за девушку добрый Колян.

Я промолчала. Племянницу Моржика я впервые увидела сегодня утром, и ее внешность не произвела на меня сокрушительного впечатления. Как правило, девицы в девятнадцать лет гораздо более милы и хороши, нежели в сорок девять, но Катин случай выглядел исключением. Глядя на нее, трудно было с уверенностью сказать, девятнадцать ей или уже сорок девять. Фигуру барышни под балахоном я не разглядела, а лицо у нее было совершенно обыкновенное, я бы даже сказала – никакое. Если не считать одинокой бархатной родинки на щеке, не лицо, а чистый холст, на котором можно рисовать что угодно. Вроде черты правильные, но мимика невыразительная, и прическа под стать физиономии, без затей – серые волосы распущены старым просыпным венником. Наверное, если бы Катерина дала себе труд заняться собственной наружностью, она смотрелась бы не хуже других. Ей бы не мысли читать, а женские журналы с советами по практической косметологии!

Я решила поинтересоваться у Ирки: всегда ли Катерина пренебрегала заботами о своей внешности, уже открыла рот и начала:

– А...

– А-а-а-а! – истошно завопил в гостиной подрастрельный крокодил.

Под звуки лебедино-крокодилей песни про неуклюжих «писиходов» в коридоре опять влажно зашлепало. Звук был такой, словно по линолеуму размеренно и неспешно скакала большая мокрая жаба. Мы замолчали, подождали, пока Катерина плавной поступью лунатички минует открытый дверной проем, а затем Ирка фыркнула и с недоброй усмешкой сказала:

– Действительно, необыкновенная красавица! Прямо-таки Царевна-лягушка!

– Просто она своеобразная, – примирительно сказала я.

Нападки рассерженной подруги на кроткую Катю мне уже изрядно надоели.

– Тра-та-та! – снова бодро затрещал лазерный пистолет.

В кухню, спасаясь от погони, вкатился игрушечный крокодил, преследуемый по пятам вооруженным Масяней.

– Куда?! – гаркнула я, перехватывая бегущего малыша.

Идея совместить пищеблок со стрельбищем мне не понравилась, но соскучившемуся Масяне общества одного безответного аллигатора было уже недостаточно. Он вывернулся из моих рук и с разбегу вскарабкался на папу.

– Колюша! – Колян крикнул и тут же начал придумывать, чем занять общительного ребенка. – Пойди посмотри, что там делает тетя Катя.

– Катя посолила снег! – весело прыгая на папиных коленях, сообщил Масяня.

Услышав это неожиданное заявление, Ирка оторвала напряженный взгляд от кастрюли, неумоимо и в большом количестве вырабатывающей пышную белую пену, и недоверчиво посмотрела на разговорчивого малыша:

– Что, что сделала Катя?

– Утром она посолила снег, – повторил Мася. – Вот так!

Он перегнулся через плечо Коляна, проворно сцапал со стола солонку и размашисто, в стиле сеятеля, посыпал пол мелкой солью.

– Мася, нет! – в один голос возмущенно закричали мы с Коляном.

– Соль рассыпалась – это наверняка к ссоре или беде! – огорчилась Ирка. – Ой, какая дурная примета!

Она поспешно подобрала щепотку белого порошка и бросила ее через левое плечо. По правилам, чтобы нейтрализовать негативное воздействие рассыпанной соли, нужно было еще трижды плюнуть в том же направлении, но этого подружка с учетом близости кастрюли с бульоном делать не стала. Наверное, именно поэтому несчастье, которое предвещала дурная примета, не замедлило произойти.

– Ладно, мы с Масяней пойдем отсюда, не будем вам мешать! – Колян подхватил на руки маленького хулигана и понес его прочь из кухни.

Масяня отбрыкивался и яростно палил куда попало из лазерного пистолета, но умудренный опытом Крокодил Крокодилович отсиживался в укрытии под столом и под шквальный огонь не попал.

– Интересно, зачем Катерина солила снег? – машинально лизнув свой палец в панировке из соленого порошка, задумалась Ирка. – Может быть, она ворожила? Вышла утречком на крылечко, написала на снегу имя суженого-ряженого и хорошенько присолила сугроб?

– Зачем это? – удивилась я.

– Не знаю. Может быть, чтобы любовь была крепкой и не портилась долго, как бочковые огурцы в ядреном рассоле! – предположила Ирка.

Я в ворожке, мягко говоря, несильна, да и за подругой прежде особого интереса к колдовским обрядам не наблюдалось, а вот от Катерины можно было ожидать чего угодно. Я не поленилась подойти к окну, дернула на себя раму, перегнулась через подоконник и внимательно рассмотрела тонкий снежный ковер во дворе. Вроде никаких рун и каббалистических знаков...

– Может, Катя сыпала соль с крыльца, чтобы ноги на ступеньках не скользили? – вслух подумала я, возвращаясь к столу и вновь принимаясь за картошку, которую вызвалась почищать совершенно добровольно, только чтобы не участвовать в шумном сафари на аллигатора.

– Это ж сколько соли надо было бы высыпать? – усомнилась подруга. – Нет, определенно, она опять проделывала какие-то дурацкие опыты. Говорю же, девица очень стран...

– Тише! – одернула я.

По линолеуму коридора снова мокро шлепала лягушка-квакушка. Плюх, плюх, плюх! Пауза. Я посмотрела на проем: на сей раз Катерина не прошла мимо открытой двери.

– Лена, Ира! А я вас вижу! – потусторонним голосом с недобрый ликованием возвестила она, входя в кухню.

Глаза у нее по-прежнему были закрыты, руки вытянуты вперед. Тонкие белые пальцы беспокойно шевелились.

– Поднимите мне веки, опустите мне руки! – нервно хмыкнула Ирка, звякнув ложкой о кастрюлю.

– Ира, я все вижу! Ты сейчас стоишь у газовой плиты! – с завыванием сообщила Катерина, медленно двигаясь в указанном направлении. – Я вижу, что ты смотришь на меня и держишь в руке какой-то небольшой предмет из металла!

– Этот предмет называется «ложка»! – ехидно сказала подруга, посторонившись с пути зажмурившейся ясновидящей.

– А металл называется «нержавеющая сталь»! – доброжелательно подсказала я.

– А еще на плите имеется металлический предмет побольше, – подхватила Ирка. – Он называется «кастрюля», убери-ка руки, пока не...

– Тра-та-та-та-та! – Мася, как настоящий спецназовец, кувыркком ввалился из коридора в кухню, в падении прицельно стреляя под стол из своего лазерного оружия.

– А-а-а-а! – взревел раненый крокодил.

Он в панике выкатился из-под стола и с разгону ткнулся рылом в босую ногу Катерины.

– Ой, что это?!

Испугавшись, Катя открыла глаза, увидела буксующего внизу аллигатора, поспешно отдернула ногу и пошатнулась. Выправляя равновесие, взмахнула руками и зацепила кастрюлю с недоваренным холодцом.

Шварк! Пятилитровая емкость с горячим варевом полетела с плиты вниз и грохнулась на пол, залив бульоном все вокруг. Как живые, разбежались в разные стороны куриные лапы, свиные уши и говяжьи хвосты. Зеленого крокодила волной унесло обратно под стол. Негодуяще вскрикнула Ирка. Громко заорала Катерина.

– Катя, ты ошпарилась?! – Я вскочила из-за стола, за которым чистила картошку.

Поскользнулась на недоваренном свином ухе, чуть не упала, уронила нож и бросилась по мокрому полу к вопящей Катерине. Ноги на жирном разъезжались, как на льду, тапки противно чавкали.

– Ленка, живо, давай снимем с нее мокрую ряску! Коля, Масяня, идите отсюда, не путайтесь под ногами! Катька, руки подними! – бешено командовала Ирка.

В четыре руки мы с подругой стащили с подвывающей Кати сермяжный балахон и выяснили, что плотная ткань кое-как защитила ее от серьезного ожога. Правда, одна нога Катерины выше колена все-таки была ошпарена и сильно покраснела, но причиной громкого вопля пострадавшей было не только это.

– Мне кастрюля на левую ногу упала, углом, очень больно! – уже не крича, но шипя от боли, пожаловалась Катерина. – Может, у меня там перелом?

– Сама идти можешь? – спросила Ирка.

– Вряд ли, – ответила Катька – и даже пробовать не стала.

Мы с Ирккой под ручки провели несчастную дурочку на мелководе – к столу, усадили на табурет и осмотрели ее левую ногу.

– С виду вроде целая, – хмурясь, неуверенно сказала Ирка. – Пальцами пошевели!

– Кажется, не могу, – так же неуверенно ответила Катька.

– Ясновидящая! – пробурчала Ирка. – Что, не ждала перелома, нострадамочка?

– Не каркай! – оборвала ее я. – Может, никакого перелома и нет, только трещина или вообще ушиб. Надо рентген сделать. Тащи ее в комнату и одевай. Катька, не реви! Я сейчас тоже оденусь, выгоню из гаража машину и отвезу тебя в травмпункт.

– Почему ты, а не я? – вскинулась Ирка.

Подружка не любит, когда я сажусь за руль ее «шестерки». Она не в восторге от моей манеры влетать в поворот на двух боковых колесах.

– Кому-то придется заняться истреблением жирной лужи в кухне, – напомнила я. – Не дай бог, твой хваленый холодец застынет прямо на полу! Потом еще нужно будет приготовить обед, Колян с Масяней скоро попросят кушать, а ты у нас гораздо лучшая кулинарка, чем я.

Смягченная комплиментом, Ирка прекратила спорить и повела Катерину собираться. Я мимоходом отчитала сорванца Мاسяню за стрельбу в общественном месте, тоже облачилась, вывела из гаража «шестерку» и дождалась выхода охромевшей Катерины.

– Ты зачем обулась? Не нужно было лишний раз травмировать поврежденную ногу! – упрекнула я неразумную девчонку, увидев, что она влезла в узкие высокие сапоги, да еще на каблуках!

– Я ей предлагала обуть Моржиковы валенки, в которых он на зимнюю рыбалку ходит, но она отказалась наотрез! – тут же нажаловалась на родственницу Ирка. – Пижонка!

Я удивленно посмотрела на Катерину. Странная какая-то пижонка, избирательная: одеваться согласна в рубище, а обуваться – только в модельные сапоги! Впрочем, выходя из дома, Катя надела поверх очередной скучной рясы хорошенькую бобровую шубку. Может, имидж сиротки-бродяжки у нее только для внутреннего пользования, для узкого круга родных и близких?

– Все, ежайте скорее, пока нога не распухла, а то потом придется сапог резать, чтобы разуться! – поторопила нас Ирка.

Она заботливо усадила болезненно охающую Катерину на заднее сиденье, я села за руль, и мы покатали в город, в травмпункт.

4

Катя меня удивила. Я-то думала, избалованная девчонка всю дорогу до травмпункта будет жалобно ныть и причитать, а то и вовсе хлопнется без чувств. А она не плакала от боли, не скулила, держалась молодцом. Морщилась, кривила губы, с преувеличенным интересом смотрела в окошко и оживленно рассказывала мне, что там такого интересного наблюдается – отвлекала и себя, и меня восторженными восклицаниями типа: «Ой, какой смешной драндулет!» или «Лен, ты только посмотри, какая шикарная тачка!».

Я, сознавая серьезность момента и важность своей задачи, на посторонние раздражители не отвлекалась. Дорога была скользкой, машина показывала характер, а я торопилась доставить пострадавшую к врачу. Шикарные тачки, смешные драндулеты и прочие участники дорожного движения интересовали меня только как потенциально опасные объекты, тесный контакт с которыми крайне нежелателен. Даже если бы по соседней полосе тянулся караван верблюдов, я не стала бы на него заглядываться.

Тактика была правильная, доехали мы быстро и без происшествий, но в травмпункте сразу же столкнулись с проблемой.

– Паспорт и медицинский полис давайте, – повелела хмурая тетка в регистратуре.

Я вопросительно посмотрела на Катерину. Она выразительно развела руками.

– Без паспорта и полиса не принимаем, – сказала на это регистраторша.

– Девушка, милая! У человека нога сломана, срочно нужна медицинская помощь, давайте не будем бюрократию разводиться! – попросила я. – Ну, до бумажек ли нам сейчас?

Не смягченная комплиментом, «милая девушка» предпенсионного возраста вместо ответа со стуком закрыла фанеркой свою амбразуру в стеклянной стене.

Катерина удрученно вздохнула.

– Ничего страшного, не волнуйся, я найду подходящую бумажку, – успокоила ее я, доставая из кошелька сторублевку.

При виде денежной купюры тетка подобрела, закрыла глаза на отсутствие документов, выписала нам какой-то квиточек и послала не туда, куда могла бы, а к рентгенологу.

– Ты почему паспорт с собой не носишь? – попеняла я Катерине в коридоре. – В нашей стране очень вредно не иметь при себе удостоверения личности. Никогда не знаешь, в какой момент придется доказывать, что ты не верблюд.

Воображаемые верблюды привязались ко мне основательно.

– Паспорт мой дома лежит, у папы в кабинете, – виновато ответила девчонка.

– В сейфе? – я вспомнила, что строгий папа Катерины, по словам Ирки, стремится всячески ограничивать гражданские свободы взрослой дочери.

– Почему обязательно в сейфе? – удивилась Катька. – Просто в столе, с другими документами. Не в кармане же мне его носить? Потеряю.

– Почему обязательно в кармане? – очень похоже удивилась я. – Носи в сумочке.

– Сумочки я тоже теряю, – Катерина усмехнулась и тут же болезненно поморщилась.

Хотя я подставила плечо, шагала она медленно, приволакивая левую ногу. Видно было, что ступать на нее Катьке больно.

Мы подошли к облезлой двери с заляпанной белой краской табличкой «Рентгенологический кабинет». Над дверным проемом имелось примитивное световое табло. На нем слева зелеными буквами было написано: «Входить», а справа красными – «Не входить». Лампочка внутри короба не горела, так что было непонятно, можно нам вторгаться в кабинет или нельзя.

– погоди, давай передохнем одну минуточку, – отдуваясь, попросила Катя.

– Отдохнешь в кабинете, – возразила я и потянулась к ручке двери.

– Не спеши! Я пить хочу, – пожаловалась Катерина. – Можно здесь что-нибудь попить?

– Здесь? – я огляделась.

По другую сторону коридора имелась каморка, дверь которой была открыта, что позволяло видеть допотопный жестяной умывальник. В помятую раковину из потемневшего латунного крана занудно капала вода. Видно, давненько капала, потому что на эмали образовалась некрасивая коричневая дорожка.

– Здесь лучше не пить, – рассудила я. – Козленочком станешь.

– Через дорогу я видела магазины, – продолжала зудеть капризная барышня. – Пожалуйста, сбегай туда, купи мне попить! А я пока на рентген схожу.

Страдалица жалобно хлопала ресничками. Я вздохнула и пошла добывать ей питье.

– Купи мне, пожалуйста, сок из маракуйи! – крикнула Катерина мне в спину.

Желания больных надо уважать, но сока из маракуйи в магазинах не нашлось. Чтобы выяснить это, мне пришлось одну за другой обойти четыре торговые точки: три ларька и один продовольственный магазин со странным названием «Агрепина». Мне помнилось, что редкое женское имя Агриппина пишется иначе. Может, надпись следует читать как ФИО владелицы, которую зовут А.Г. Репина? Засмотревшись на вывеску, я остановилась, но задержаться на ступеньках мне не позволили. Распахнувшаяся дверь едва не смахнула меня с крыльца, я очнулась от несвоевременных раздумий, пропустила какого-то торопыгу с полным пакетом продуктов и вошла в торговое заведение.

Спросила, естественно, сок из маракуйи. Продавщица с подозрением выслушала название тропического фрукта и предложила взять морковно-банановый нектар. Я сочла эту смесь достаточно оригинальной, чтобы удовлетворить запросы гурманши Катерины, и с бутылочкой серо-бурой жижи вернулась в травмпункт. С того момента, как мы с Катькой расстались, прошло минут десять.

У рентгенкабинета моей больной не было. Я вопросительно посмотрела на разрешительно-запретительное табло, но оно по-прежнему никак себя не проявляло. Я решила, что Катька вошла в кабинет, и минут пять ждала ее выхода, а потом не выдержала, толкнула дверь и вежливо спросила:

– Извините, можно?

– Можно, все можно, – добродушным басом отозвался кто-то из смежной комнаты, где было темно, так что говорящего я не разглядела.

Катки я тоже нигде не увидела и поэтому спросила:

– Простите, а где девушка с ногой? Она была у вас или нет?

– Знаете, а ведь у меня все девушки были с ногами! Абсолютно все! – откровенно радуясь за себя, ответил басовитый невидимка. – Так уж вышло, что безногими я как-то никогда особенно не интересовался!

– Завидую! – сказала я, закрывая дверь.

Цепко оглядываясь по сторонам, я пробежалась по пустому коридору в регистратуру.

– Здравствуйте еще раз, вы мою подругу не видели? – быстро спросила я тетку, которая снова стала хмурой, как осенний день.

Благотворное действие сторублевки закончилось.

– Может, она к врачу пошла? Или на процедуры? – нервничая, я подсказывала сердитой тетке ответы. – Молодая девушка в бобровой шубке, с распущенными волосами?

– Хорошая девка, – подтолкнув меня в спину, одобрительно сказала старая бабка с рукой на перевязи из лохматого шерстяного платка. – Она на рентген меня без очереди пропустила, а сама с парнем ушла.

– С каким парнем?!

– Хороший парень, – убежденно сказала бабка. – Белый, чистый, бритый и перегаром не воняет.

Следующие полчаса я бегала по травмпункту и окрестностям, разыскивая хромоногую идиотку Катьку, которая ушла куда-то с чистым, бритым и трезвым парнем индоевропейского происхождения. Травмпункт располагался вблизи оживленной городской улицы, народу по ней шло немало, парни встречались во множестве, и под определение, данное бабкой, попал каждый второй. То есть белыми и чистыми были практически все, бритыми многие, а дыхнуть для проверки трезвости я никого не просила – постеснялась.

Мороз обжигал щеки, однако я так забежалась, что вся взмокла и распахнула пальто. И Ирку тоже в жар бросило, когда она услышала об исчезновении ее подопечной.

– Как пропала? – ахнула она, когда я позвонила и сообщила пугающую новость. – Куда пропала?

– Ирка, если бы я знала, куда она пропала, я бы там ее и искала! – сердито рыкнула я. – Не тупи и не рассосоливай, звони ей, живо! Мобильник у нее с собой?

– Мобильник? Мобильник у нее: со мной! – убитым голосом ответила подружка.

Тут только я вспомнила, что Катькин папочка-тиран просил Ирку не подпускать его доченьку к телефону. К домашнему аппарату Ирка всякий раз сама подходила, а мобильник, значит, у Катерины просто конфисковала.

– И что же нам теперь делать? – растерялась я.

– А я почему знаю? – огрызнулась расстроенная Ирка. – Возвращайся, может, она тоже сама явится. Большая девочка, адрес знает, и деньги на такси у нее есть.

Однако большая девочка не явилась ни через час, ни через два, ни в Пионерский микрорайон к тете Ире, ни в отчий дом в центре города. Мы много раз звонили и на домашний телефон Катерины – там никто не брал трубку, и на сотовый Катькиному деспотическому папочке, но абонент был хронически недоступен.

– Что же это получается, тетя Ира? Потеряли вы чужого ребенка! – с укоризной заключил Колян.

Наш собственный ребенок мирно спал после обеда, а трое взрослых сидели, пригорюнившись, в гостиной и пили коньяк, чтобы удержать в узде нервы.

Ни удержать нервы, ни удержаться на месте самим не удалось. Распереживавшейся Ирке не сиделось, она бегала по всему дому и выглядывала в окна, словно у нее не родственница потерялась, а домашняя кошка. Только что «Кис-кис» не кричала! Я ходила за подружкой с полной рюмкой успокоительного коньяку, Колян следовал за нами обеими с початой бутылкой, а освеженный послеобеденным сном Мاسя, радуясь непонятной суматохе, путался у взрослых под ногами.

– Куда же она подевалась? – с тоской в голосе в десятый раз спросила Ирка, по пояс высунувшись в распахнутое окно Катькиной комнаты.

– Осторожно, вывалишься! – я испугалась и потянула подружку за пояс халата.

– Ничего, там должно быть мягко, – безразлично ответила Ирка, разгибая спину. – Снег пошел.

Действительно, в свете мощного электрического фонаря, подвешенного над крыльцом, замедленно кружились редкие крупные снежинки. Они были похожи на бабочек белой моли, очень голодных и ищущих корма.

– Не там ищут! – пробормотала я.

– А где надо? – Ирка проворно развернулась ко мне.

Я сообразила, что мысли подружки всецело заняты поисками пропавшей Катьки, решила, что ей не помешает немного отвлечься, и с готовностью объяснила:

– Снежинки похожи на бабочек моли, которые прилетели в поисках пищи к нам, хотя кормушку для них приготовили соседи!

С этими словами я махнула рукой в сторону близкого забора, разделяющего два домовладения. Там на веревке, протянутой между двумя яблонями, тяжело, со скрипом, как жестяной флюгер, покачивалось на ветру раздвоенное кумачовое полотнище.

– Это красное знамя, что ли? – прищурилась близорукая Ирка. – С чего это Александр Васильич флаг вывесил, разве нынче государственный праздник?

– Какого государства? СССР? – заинтересовалась я. – Вроде в Стране Советов в феврале месяце был только один народный праздник – День защитника Отечества, а он прошел на минувшей неделе. Или этот флаг с тех самым пор висит?

– Нет, вчера его не было, – уверенно сказала Ирка. – Вчера утром у Васильича постирушка была, он все веревки постельным бельем завесил. К вечеру простыни и пододеяльники прихватило морозом, и старик никак не мог сам их снять. У деда артрит, пальцы едва гнутся, где ему с прищепками сражаться. Громыхал замерзшими полотнищами, как досками! Я не выдержала и пошла ему помогать. Точно помню: мы все сняли, ни одной тряпки не оставили. Видно, этот алый стяг Васильич уже сегодня выбросил.

– Да никакой это не советский флаг, слепухи! – замеялся за нашими спинами зоркий Колян. – Это, дорогие мои, шикарные красные шорты для серфинга!

Мы с подружкой переглянулись и не выдержали, расхохотались, вообразив себе тонконогую и пузатого пенсионера Александра Васильича в красных шортах серфингиста. Потом Ирка снова нахмурилась, пробормотала:

– Небось, забыл дед про свою спортивную форму! – и пошла в кухню, к телефону.

Мы с Коляном остались у окна и через минуту увидели Иркиного соседа Александра Васильевича. Старый склеротик вышел из дома во двор, проковылял к веревке между яблонями и с трудом отцепил с нее примерзший серфингистский «флаг». Штаны громко хрустели, упорно не гнулись и в целом выглядели так, словно их выпилили лобзиком из листа крашеной фанеры.

– Серфингистские штаны во все стороны равны! – продекламировал Колян.

Дед Васильич поворочал гремящие фанерные штаны в руках, приложил их к себе, недоуменно пожал плечами и ушел в дом, сунув примороженную одежду под мышку, как плоский пакет.

Ирка в кухне сердито гремела посудой. Колян и Масыня этими звуками живо заинтересовались и побежали на шум в надежде на внеплановый перекус. Ирка дала им по куску сыра и выпроводила с кухни, после чего обессиленно рухнула на табурет, подперла щеку кулаком и пригорюнилась. Я посмотрела на нее неодобрительно. Тоскливое ничегонеделание мне претит, я жаждала действий, только не знала, каких именно. Мне не хватало информации.

– Может, этот хороший парень, с которым ушла Катерина, какой-нибудь ее приятель? – спросила я. – Ты знаешь Катькиных друзей?

– Друзей не знаю, только с одной подружкой шапочно знакома, – ответила Ирка. – Зовут ее Дина, фамилия мне неизвестна. Хорошенькая синеглазая дурочка, Катькина однокурсница.

– А где Катерина учится? – полюбопытствовала я.

– В университете, – безразлично отозвалась подруга. – Она будущий химик-технолог.

– Химик? – я очень удивилась.

Мне казалось, что нездоровое увлечение экстрасенсорикой более пристало легкомысленной фантазерке с гуманитарным образованием. А химия – серьезная наука, точная. Станный выбор для девицы с завихрениями!

– И как она учится? – спросила я. – Плохо, наверное?

– Да нет, хорошо. Я видела ее зачетку, там за пять семестров ни одной тройки, – ответила Ирка, откровенно не понимая причины моего внезапного интереса к Катькиной успеваемости. – А почему ты спрашиваешь?

– Да просто так, из любопытства, – соврала я.

На самом деле в голове у меня уже вываривалась – медленно, как холодец из ушей и хвостов, – одна весьма любопытная мысль, я просто не хотела выдавать ее Ирке в полусыром виде.

А у подруги, оказывается, возникла своя версия событий.

– Ты знаешь, чего я боюсь? Что девчонку украли! – призналась она. – Катька единственная дочка богатенького папочки, за нее можно кучу денег заломить!

– А кто у Катьки папочка? – заинтересовалась я.

Прежде я не была знакома с этими родственниками Моржика – Андреем Петровичем Курихиным и его взрослой дочерью Катериной, да и не знала о них почти ничего. Познакомиться с Катькой толком за полдня я не успела. Мы и встретились-то случайно, потому что у Ирки вышла накладочка в расписании приема гостей. Наше семейство подруга, которой скучно было в отсутствие мужа, пригласила к себе на уик-энд, и мы приехали утром, а Катерину неожиданно привезли к тете вчера вечером. Девчонка общаться с нами не рвалась, то лежала с книжкой на диване в предоставленной ей комнате, то слонялась по коридорам. С закрытыми глазами, в балахоне, блеклая, как старое фамильное привидение.

– Андрей Петрович Курихин – владелец крупного винно-водочного производства, – ответила Ирка. – Вернее, он совладелец предприятия, там два хозяина, но оба очень богатые дяденьки! У Курихиных даже своя яхта есть.

– Ух ты! – восхитилась я. – Значит, киднеппинг имеет смысл. Однако бабка из травмпункта сказала, что Катька сама, по доброй воле ушла куда-то с «хорошим парнем».

– Ты думаешь, трудно увести куда-то эту дуру? – Ирка фыркнула, как дельфин, и с пренебрежением махнула рукой. – Да «хорошему парню» достаточно было подойти к Катьке, сделать пару пассов, помассировать чакру и со значением прошептать: «Я вижу, вижу! Вас зовут, зовут: ага! Катерина!» И все, дело в шляпе! Можно звать доверчивую идиотку на семинар «Трудные случаи расстройства кожного зрения»! Пойдет как миленькая!

– Ходить ей было трудно, – припомнила я.

– Тем сомнительнее твоя версия о том, что Катерина встретила приятеля и они пошли прогуляться, – рассудила Ирка. – Подумай сама, какие могут быть прогулки со сломанной ногой?

– Точно! – я гулко хлопнула ладонью по столу. – Ирка, ты совершенно права! Эта неувязка все объясняет! Кажется, я поняла!

– Что ты поняла? – подруга нахмурилась, предвидя, что от этого моего внезапного понимания ей лучше не станет.

– Я поняла, что Катерина вовсе не дура! – заявила я. – Дуры мы с тобой!

– Почему это она не дура? – спросила Ирка, безропотно согласившись с нелестной оценкой наших с ней умственных способностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.